

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 4 (115). С. 190–202.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025,
vol. 115, no. 4, p. 190-202.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.4

**ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ВОЗБУЖДЕНИЯ
НЕНАВИСТИ ЛИБО ВРАЖДЫ, А РАВНО УНИЖЕНИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА**

Табанакова Валерия Ивановна

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация,
govorina.2011@mail.ru

Введение. В настоящей статье автором исследованы объективные признаки преступления, предусмотренного ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), посвященной преступным действиям, связанным с возбуждением ненависти или вражды, а равно с унижением достоинства человека или группы лиц по признакам национальности, расы, религии, языка, происхождения или социальной принадлежности, которые позволяют квалифицировать деяние как преступное.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили нормативные акты, судебные решения, научные работы. Исследование объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, проводилось с использованием комплекса методов, направленных на анализ нормативно-правовых источников, судебной практики и доктринальных подходов (диалектический, догматический, эмпирический, интерпретационный методы).

Результаты исследования позволили раскрыть содержание объективных признаков возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства, которые позволяют квалифицировать деяние как преступное.

Выводы и заключения. Объективная сторона преступления по ч. 1 ст. 282 УК РФ обладает формальным составом, предполагающим ответственность за публичные действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, унижение достоинства по социальным признакам. Ключевые проблемы применения нормы связаны с неопределенностью критериев публичности, конкуренцией с иными нормами УК РФ, недостаточной регламентацией особенностей совершения преступлений в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Судебные решения демонстрируют расширительное толкование «действий». Для устранения проблемных вопросов необходимы законодательные уточнения, например, возможная регламентация закрытого перечня способов совершения преступления, определение количественных критериев публичности, разработка экспертных методик для анализа контекста.

Ключевые слова: возбуждение ненависти, вражда, социальная группа, унижение достоинства, публичность

Для цитирования: Табанакова, В. И. Характеристика объективной стороны возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 4. (115). С. 190–202.

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

CHARACTERISTICS OF THE OBJECTIVE ASPECT OF INCITEMENT TO HATRED OR ENMITY, AS WELL AS HUMILIATION OF HUMAN DIGNITY

Valeria I. Tabanakova

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk,
Russian Federation, govorina.2011@mail.ru

Introduction. In this article, the author examines the objective signs of a crime under Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation, devoted to criminal acts related to incitement of hatred or enmity, as well as humiliation of a person or group of persons based on nationality, race, religion, language, origin or social affiliation, which qualify the act as criminal.

Materials and Methods. The materials of the study were normative acts, court decisions, scientific works. The study of the objective side of the offence under article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation was conducted using a set of methods aimed at the analysis of normative-legal sources, judicial practice and doctrinal approaches (dialectical, dogmatic, empirical, interpretative methods).

The Results of the Study made it possible to reveal the content of objective signs of incitement to hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity, which make it possible to qualify the act as criminal.

Findings and Conclusions. The objective aspect of the offense under Part 1 of Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation has a formal composition, implying liability for public actions aimed at inciting hatred or enmity, or at humiliating the dignity of a person or group based on social characteristics. Key issues in the application of this provision are associated with the ambiguity of the criteria for public nature, its overlap with other articles of the Criminal Code, and insufficient regulation of the specific features of crimes committed using the information and telecommunications network "Internet." Court rulings demonstrate an expansive interpretation of «actions». To resolve these issues, legislative clarifications are necessary, such as potentially establishing an exhaustive list of methods for committing the offense, defining quantitative criteria for public nature, and developing expert methodologies for context analysis.

Keywords: incitement to hatred, enmity, social group, humiliation of dignity, publicity

For citation: Tabanakova, V. I. Harakteristika ob"ektivnoj storony vozbuздeniya nenavisti libo vrazhdy, a ravno unizheniya chelovecheskogo dostoинstva [Characteristics of the objective aspect of incitement to hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, vol. 115, no. 4, pp. 190–202.

В условиях усиления социальной напряженности и цифровизации современного пространства уголовно-правовая охрана общественных отношений приобретает особую значимость. Ст. 282 УК РФ³, криминализирующая действия, направленные на возбуждение ненависти, вражды, а равно унижение человеческого достоинства, выступает ключевым инструментом противодействия экстремизму. Однако ее правоприменительная практика сталкивается с парадоксом: законодательная формулировка, призванная обеспечить четкость, сама становится источником правовой неопределенности. Анализ объективной стороны данного состава преступления затруднителен: кажущиеся на первый взгляд понятными критерии размываются при столкновении с многообразием реальных ситуаций – от обычных высказываний до действий со скрытым смыслом. Научное сообщество и правоприменительные органы вынуждены искать баланс между защитой базовых ценностей и риском избыточной криминализации, что превращает толкование статьи 282 УК РФ в сложный пазл юридической герменевтики.

Диспозиция ч. 1 ст. 282 УК РФ звучит следующим образом: «Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам... принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично... лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года». Из текста диспозиции мы видим, что законодатель не разъяснил достаточно подробно объективную сторону преступления. В первую очередь в указанной статье речь идет о деянии в форме «действия с альтернативной направленностью» [1, с. 248].

При этом представляется, что иметь направленность на возбуждение ненависти или вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц могут отнюдь не только действия: «альтернативой действию может стать бездействие субъекта преступления экстремистской направленности» [2, с. 154]. Но раз законодатель ограничил диспозицию данной нормы лишь действиями, полагаем, что исследовательское сообщество поступает верно, связывая с данным составом лишь соответствующие действия.

Под действиями в контексте данной нормы следует понимать «любой целенаправленный акт внешней деятельности» [3, с. 213]. Таким образом, если соответствующим действием может быть какое угодно поведение, кроме случаев,

³ Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=503695&dst=100001#zzYDTmUdrbk3l5h2> (дата обращения: 21.04.2025).

когда оно оказывается нарушающим какую-нибудь другую уголовную норму, то ничего конкретного об объективной стороне данного состава сказать нельзя.

Однако исследователи обыкновенно принимают здесь за действия само возбуждение, используемое в сочетании со словами «ненависть» и «вражда», а также унижение достоинства человека либо группы. Это представляется верным, поскольку только характеристика вещей в качестве действий позволит говорить о данном составе преступления не путем одних лишь отрицаний, которых пришлось бы сделать слишком много, чтобы наметить границы данного преступления.

Возбуждение ненависти или вражды представляет собой действия, нацеленные на разжигание межгрупповой розни и создание социальных конфликтов на почве указанных в законе различий. Важно подчеркнуть, что для квалификации по ст. 282 УК РФ не требуется доказательств реального изменения сознания или воли адресатов. Ключевое значение имеет целенаправленность действий виновного. Вместо этого подразумеваются действия, которые по замыслу виновного призваны сформировать или активизировать у других людей ненависть или вражду по отношению к определенным группам.

Таким образом, это деяние, в отличие от публичного призыва, может быть совершенно лишено любых лингвистических свойств: под «действиями» преступника понимается не только верbalное выражение, но и любое физическое или психическое воздействие на жертву. Перечень действий, образующих объективную сторону преступления по статье 282 УК РФ, является открытым.

Для квалификации достаточно выявить «перенос негативных характеристик и пороков (действительных или вымышленных), присущих отдельным представителям группы, а также ответственности за их поступки на всю группу» [4, с. 185].

В качестве примеров таких действий можно привести п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»: «высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, социальной группы, приверженцев той или иной религии»⁴.

Кроме того, «примером возбуждающего ненависть неверbalного общения может быть, в том числе, совершение действий, несущих в себе оскорбительный или провокационный смысл, понятный адресату, – демонстративный вандализм, демонстративные насильственные преступления и т. д.» [5, с. 212].

Что касается альтернативного действия, то «в ст. 1 Всеобщей декларации прав человека... упоминается, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве» [6, с. 85]. Под неотъемлемым достоинством человека следует понимать

⁴ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (дата обращения: 21.04.2025).

безусловную ценность продолжения свободного присутствия в обществе всякого «представителя человеческого рода»⁵. Иными словами, это декларация готовности принять в обществе любого человека вне зависимости от его внешних и внутренних признаков. Поскольку люди, обладая общими признаками, образуют социальные группы, можно говорить о перенесении этого декларированного свойства людей на группы, располагающие всеми свойствами своих представителей. Таким образом, с точки зрения своей правовой природы, унижение достоинства представляет собой не что иное, как акт коммуникации, выражющий и транслирующий дискриминационную установку в отношении индивида или группы лиц по обозначенным законодателем критериям.

Спорным вопросом может представляться граница того общества, в котором каждый человек по своему неотъемлемому свойству должен быть желанным: это либо только гражданское общество как целое, либо каждое публичное объединение в частности.

Второе предположение более соответствует либеральной политической теории. Государство может и должно ограничивать права отдельных лиц и частных объединений, когда это необходимо для защиты фундаментальных прав других граждан и обеспечения их равного участия в общественной жизни. Целью государственной политики является предотвращение социальной изоляции и обеспечение интеграции. Такие цели признаются «вескими государственными интересами» [7, разд. 3.2]. Данная мысль отражена в Указе Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», где сказано, что достижение целей по обеспечению государственной безопасности осуществляется путем выполнения задач, в число которых входит: «предупреждение и нейтрализация... формирования этнических и религиозных анклавов, социальной и этнокультурной изолированности отдельных групп граждан»⁶.

Иначе говоря, необходимо признать, что существует вероятность злоупотребления правом на свободу мирных ассоциаций. В современных условиях, характеризующихся интенсивными международными связями, такие ассоциации могут быть использованы для деятельности, угрожающей государственной безопасности под прикрытием легальных целей, что представляет риск для гарантий, предусмотренных ст. 30 Конституции Российской Федерации⁷.

Отсюда следует, что создание и участие в жизнедеятельности объединения, намеренно не допускающего в свой круг (и к собранным в нем благам) представителей некоторых меньшинств ввиду их отличий, является активным посягательством на

⁵ Там же, С. 85.

⁶ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 17.05.2025).

⁷ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 17.05.2025).

объект преступлений экстремистской направленности, поэтому такую деятельность необходимо было бы определить, как действия, направленные на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам групповой принадлежности.

И. М. Халиков дает более узкое определение унижению достоинства: «выражение дискриминационного отношения... в неприличной форме» [3, с. 213]. Находим такое дополнение избыточным ввиду наличия посягательства на указанный нами объект преступлений экстремистской направленности уже в более широком определении.

Кроме того, примерами унижения достоинства из судебной практики являются оскорблении, лишь сопровождающиеся негативной коннотацией и семантически содержащие указания на идентичность того, к кому оно обращено. Так, согласно постановлению Гурьевского городского суда «в размещенном тексте «Евгения, чернильница еще что-то бы мне говорила, иди ложись под цыган» имеется высказывание, в котором негативно оценивается лицо, названное «Евгения» по признакам принадлежности к представителям белой расы женского пола [с инклюзивным отношением к представителям цветных народов]»⁸. Таким образом, суд квалифицирует высказывание как оскорбительное не в силу упоминания расы как таковой, а в силу использования расовых характеристик для выражения презрения. Следовательно, все «неприличие» здесь заключается лишь в нетерпимом отношении говорящего.

В постановлении Центрального районного суда г. Новокузнецка эта мысль выражена более наглядно: «Негативная оценка представлена посредством использования жаргонной номинации негативно оцениваемой идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаяев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды». Верховный суд по смыслу своего толкования приравнял подобную критику к действиям, не унижающим человеческое достоинство [8, с. 89]. По мнению А. Н. Хоменко, Н. А. Черемновой: «провести же грань между экстремизмом и допустимыми формами общественно-политической и культурной жизни людей – достаточно сложная задача» [9, с. 47].

Можно сказать, что объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, характеризуется сложной структурой, сформированной правоприменительной практикой. Она сочетает деяние как в форме действия, так и бездействия с признаком повторности, что переводит его в категорию повышенной опасности. Признак бездействия носит прецедентный характер и не вытекает из буквального текста уголовного закона.

В соответствии с п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 для того чтобы действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение достоинства человека или группы лиц, были квалифицированы как преступные по ст. 282 УК РФ, должны

⁸ Постановление Гурьевского городского суда от 27 сентября 2023 года по делу № 5-262/2023 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MZF74CuIqXLv> (дата обращения: 11.05.2025).

совершаться публично. В Пленуме Верховного Суда Российской Федерации прямо указано, что в качестве одного из признаков публичности рассматривается использование средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей.

Определять таковые «одним из альтернативных способов... возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства» ошибочно [10, с. 124]. Утверждение, что средства массовой информации являются «местом совершения преступления» [11, с. 127], ошибочно. Они выступают именно в роли средства его совершения.

Следствием этой ситуации становится критика законодателей за несовершенство юридических конструкций: «Нормотворец посчитал целесообразным использовать множественные термины, указывающие на объективные признаки составов преступлений, что вызывает затруднения их толковании... можно сделать вывод, что для наличия состава преступления необходимо использовать несколько сетей, хотя фактически достаточно и одной» [12, с. 250].

Вместе с тем следует отметить, что использование информационно-телекоммуникационных сетей не всегда говорит о наличии обстановки публичности, поскольку не всякая отправка сообщений является массовой рассылкой, а возможна и в форме личной переписки, очевидно, не обладающей признаками публичности: «данный признак может быть вменен лицу только при условии, что использование ИТС, в том числе сети «Интернет», носит публичный характер» [13, с. 150].

По конструкции объективной стороны данное преступление является формальным. Так в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 11 указано: «Предусмотренное частью 1 статьи 282 УК РФ преступление считается оконченным с момента совершения хотя бы одного действия, направленного на возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение достоинства человека либо группы лиц».

Вопрос разграничения между составами преступлений, предусмотренных статьями 280 и 282 УК РФ, порождает как доктринальные, так и правоприменительные сложности. «Одной из проблем является квалификация действий, имеющих одновременную направленность как на побуждение к экстремистским действиям, так и на возбуждение ненависти или вражды» [14, с. 666].

С одной стороны, теоретическая разница ясна. Как указывает В. Н. Воронин, призывы к экстремистским действиям преследуют цель сформировать у аудитории готовность к совершению поступков, включая и бездействие, связанное с экстремизмом, даже при отсутствии прямой мотивации, основанной на ненависти или вражде [15, с. 20]. В то же время сама суть возбуждения ненависти или вражды заключается в развитии этих деструктивных установок в общественном сознании. Однако С. В. Землюков, Д. П. Потапов отмечают, что в современных реалиях граница между этими понятиями становится иллюзорной: практически любое психологическое воздействие, разжигающее межгрупповую неприязнь, косвенно призывает к экстремистской деятельности [16, с. 134]. Более того, криминализация таких действий, как унижение человеческого достоинства или разжигание вражды, теряет логическое

обоснование, если они не провоцируют переход людей к радикальным поведенческим действиям.

Для возможности найти разрешение затруднению обратимся к судебной практике. В приговоре Ленинского районного суда города Кемерово содержится следующая информация: «[виновный], испытывая ненависть к представителям власти и еврейским народностям... разместил на общедоступном Интернет-ресурсе... то есть публично, комментарий к тексту ... Данный комментарий содержит призывы к насильственным действиям (убийству) в отношении представителей действующей государственной власти Российской Федерации, а также в отношении группы лиц, выделенной по признаку национальности (евреи), то есть содержит призывы к совершению преступлений, предусмотренных статьей 105 УК РФ, по мотивам... ненависти или вражды в отношении социальной группы, что является экстремистской деятельностью»⁹. Примером также может служить позиция Киселёвского городского суда: «[виновный], испытывая ненависть к представителям Федеральной службы исполнения наказания Российской Федерации... разместил на общедоступном Интернет-ресурсе... текстовые сообщения в виде комментариев в группе... содержащие призыв... к насильственным действиям (избиение) в отношении сотрудников Федеральной службы исполнения наказания Российской Федерации»¹⁰.

В этих решениях основанием квалификации действия как публичного призыва к осуществлению экстремистской деятельности является указание на конкретное экстремистское преступление.

В постановлении Анжеро-Судженского городского суда Кемеровской области установлено: «[виновный] разместил доступные для обозрения неопределенному кругу лиц комментарии... направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение человеческого достоинства группы лиц, объединенных по признаку принадлежности к сотрудникам ФСБ России»¹¹. Тот факт, что даже общие призывы к враждебным действиям получают правовую оценку, подтверждается постановлением Ленинского районного суда г. Кемерово, в котором указано, что «комментарий: «Цыган надо гнать... страх во всем потеряли!!!», содержит высказывания, направленные на возбуждение вражды в отношении группы лиц по признакам принадлежности к этнической группе (цыган)»¹². Эти решения отличаются от двух

⁹ Приговор Ленинского районного суда г. Кемерово от 15 ноября 2020 года по делу № 1-265/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XGVYjiFfo8VL> (дата обращения: 17.05.2025).

¹⁰ Приговор Киселёвского городского суда от 26 июля 2020 года по делу № 1-310/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/pp9Z2ZHRxjVQ> (дата обращения: 17.05.2025).

¹¹ Постановление Анжеро-Судженского городского суда от 20 октября 2023 года по делу № 5-142/2023 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nd4ZEcqmt8UT> (дата обращения: 17.05.2025).

¹² Постановление Ленинского районного суда г. Кемерово от 28 июля 2023 года по делу № 5-79/2023 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FVAA6Ls5ygJv> (дата обращения: 17.05.2025).

других лишь тем, что не усматривают в содеянном призывов к действиям той степени конкретности, которая позволяет дать им отдельную уголовную квалификацию.

Ключевой критерий для дифференциации составов заключается в характере целевой направленности деяния: публичные призывы к экстремизму побуждают к совершению конкретных противоправных действий, в то время как возбуждение ненависти формирует общую почву для практической нетерпимости к социальной группе. В случаях, когда призыв имплицитно содержит элементы разжигания вражды, деяние подпадает под признаки состава преступления, предусмотренного статьей 280 УК РФ.

Таким образом, объективная сторона состава преступления из ч. 1 ст. 282 УК РФ состоит из двух альтернативных действий – возбуждения ненависти либо вражды и унижения достоинства человека либо группы лиц по признакам принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенных в обстановке публичности, на наличие которой могут указывать средства совершения преступления: СМИ либо информационно-телекоммуникационная сеть. Последствия здесь не являются конститутивным признаком, и преступление считается оконченным с момента совершения хотя бы одного соответствующего действия, следовательно, состав этого преступления является формальным.

Мы полагаем, что объективная сторона преступления, выводимая в том числе из анализа текстов судебных решений, представляет собой совокупность публичных действий, направленных на разжигание ненависти или вражды и унижение человеческого достоинства по дискриминационным признакам, реализуемых множественными способами с актуализацией использования цифровых технологий. Интерпретация объекта преступления в судебной практике охватывает не только отношения, гарантирующие равноправие и личную неприкосновенность, но и более широкие конституционно-охраняемые ценности, включая общественную безопасность и основы государственного строя. Таким образом, правоприменительная практика наполняет признаки состава преступления содержанием, частично выходящим за пределы буквального текста уголовного закона.

Проведенный анализ доктринальных подходов позволяет констатировать, что имеется системная проблема недостаточной регламентации в ст. 282 УК РФ особенностей совершения преступлений в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». К факторам, затрудняющим расследование, доказывание и квалификацию, относятся: анонимность, трансграничность и скорость распространения информации, а также проблематичность установления ключевых признаков состава – публичности и направленности на определенную социальную группу.

Эволюция объективной стороны данного состава преступления свидетельствует о смещении акцента с критерия повторности на оценку общественной опасности деяния, особенно в цифровой среде. В доктрине выделяются следующие некоторые проблемные аспекты: оценочный характер дефиниций («ненависть», «вражда», «социальная группа»), вызывающий проблемы квалификации; отсутствие четких разграничений со смежными составами, ведущее к конкуренции норм. В свою очередь,

судебная практика расширяет объективную сторону, включая бездействие, и признает в качестве объекта преступления наряду с достоинством личности также основы конституционного строя и общественную безопасность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Архипова, М. В., Редькина, Е. А. Дефиниция и законодательное конструирование объективных признаков преступлений экстремистской направленности в сети Интернет // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2022. № 3-2. С. 240–252.
2. Михайлов, А. Г., Федоров И. З. Особенности объективных и субъективных признаков экстремистских преступлений и преступлений экстремистской направленности: вопросы толкования и разграничения // Вестник Российской университета кооперации. 2019. № 4 (38). С. 151–157.
3. Халиков, М. И. Экстремизм (уголовно-правовой аспект) // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2008. № 2. С. 210–216.
4. Муцалов, Ш. Ш. Проблемы квалификации возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) // Евразийский научный журнал. 2016. № 3. С. 187–189.
5. Антипов, Д. Н. Общественная опасность и объект преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ («возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства») // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2016. № 8. С. 212–216.
6. Вертепова, Т. А. Честь, достоинство и репутация как объекты уголовно-правовой охраны // Общество и право. 2015. № 1 (51). С. 85–88.
7. Brownlee, K., Jenkins, D. Freedom of Association // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Spring 2024 Edition. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2024/entries/freedom-association/> [Accessed 11th May 2025].
8. Тяжкова, И. М. Экстремистские преступления как посягательства на внутреннюю безопасность государства // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2012. № 4. С. 83–100.
9. Хоменко, А. Н., Черемнова, Н. А. Отграничение экстремистских проявлений от правомерного поведения в контексте ст. ст. 20.3, 20.3.1 КоАП РФ и ст. ст. 280, 282 УК РФ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3 (90). С. 44–56.
10. Иванцов, С. В., Идельбаева, Г. И. Вопросы квалификации преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием сети «Интернет» // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 8. С. 123–129.
11. Боровикова, В. В. Вопросы уголовного права и деятельность средств массовой информации // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2013. № 4. С. 126–129.
12. Редькина, Е. А., Архипова, М. В. Дефиниция и законодательное конструирование объективных признаков преступлений экстремистской направленности в сети Интернет // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление.

Право». 2022. № 3–2. С. 240–252.

13. Горшков, Д. Ю. Публичный способ совершения экстремистских преступлений: сущность и критерии // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 4 (31). С. 149–154.

14. Карабаев, В. В. Проблемы разграничения возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства, с иными составами преступлений и административных правонарушений // E-Scio. 2023. № 5 (80). С. 664–669.

15. Воронин, В. Н. Преступления экстремистской направленности: пути повышения качества уголовно-правовой охраны // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2016. № 4. С. 16–28.

16. Землюков, С. В., Потапов, Д. П. Ст. 282 УК РФ (место в системе преступлений экстремистской направленности) // Известия Алтайского государственного университета. 2014. Т. 2. № 2 (82). С. 132–136.

REFERENCES

1. Arkhipova, M. V., Red'kina, E. A. Definicija i zakonodatel'noe konstruirovaniye ob "ekтивnyh priznakov prestuplenii ekstremistskoi napravленnosti v seti Internet [Definition and legislative construction of objective signs of extremist crimes on the Internet]. Vestnik RGGU. Seriya «Ekonomika. Upravlenie. Pravo» – RSUH Vestnik. Series "Economics. Management. Law". 2022, no 3-2, pp. 240-252. (In Russ.).
2. Mikhailov, A. G., Fedorov, I. Z. Osobennosti ob "ekтивnyh i sub"ekтивnyh priznakov ekstremistskikh prestuplenii i prestuplenii ekstremistskoi napravленnosti: voprosy tolkovaniya i razgranicheniya [Features of objective and subjective signs of extremist crimes and crimes of extremist orientation: issues of interpretation and distinction]. Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii – Vestnik of the Russian University of Cooperation. 2019, vol. 38, no. 4, pp. 151-157. (In Russ.).
3. Khalikov, M. I. Ekstremizm (ugolovno-pravovoi aspekt) [Extremism (criminal law aspect)]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo» – Vestnik of Udmurt University. Series "Economics and Law". 2008, no. 2, pp. 210-216. (In Russ.).
4. Mutsalov, Sh. Sh. Problemy kvalifikacii vozbuždeniya nenavisti libo vrazhdy, a ravno unizheniya chelovecheskogo dostoinstva (st. 282 UK RF) [Problems of qualifying incitement of hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity (Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. Evrazijskij nauchnyj zhurnal – Eurasian Scientific Journal]. 2016, no. 3, pp. 187-189. (In Russ.).
5. Antipov, D. N. Obshchestvennaya opasnost' i ob"ekt prestupleniya, predusmotrennogo st. 282 UK RF («vozbuzhdenie nenavisti libo vrazhdy, a ravno unizhenie chelovecheskogo dostoinstva») [Public danger and the object of the crime provided for in Art. 282 of the Criminal Code of the Russian Federation ("incitement of hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity")]. Probely v rossijskom zakonodatel'stve. Juridicheskij zhurnal – Gaps in Russian Legislation. Legal Journal. 2016, no. 8, pp. 212-216. (In Russ.).
6. Vertepova, T. A. Chest', dostoinstvo i reputaciya kak ob"ekty ugolovno-pravovoi ohrany [Honor, dignity and reputation as objects of criminal law protection]. Obshchestvo i

pravo – Society and Law. 2015, vol. 51, no. 1, pp. 85-88. (In Russ.).

7. Brownlee, K., Jenkins, D. Freedom of Association // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Spring 2024 Edition. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2024/entries/freedom-association/> [Accessed 11th May 2025]. (In Russ.).

8. Tyazhkova, I. M. Ekstremistskie prestupleniya kak posyagatel'stva na vnutrennyyu bezopasnost' gosudarstva [Extremist crimes as encroachments on the internal security of the state]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo – Moscow University Bulletin. Series 11. Law. 2012, no. 4, pp. 83-100. (In Russ.).

9. Khomenko, A. N., Cheremnov N.A. Otgranichenie ekstremistskikh proyavlenii ot pravomernogo povedeniya v kontekste st.st. 20.3, 20.3.1 KoAP RF i st.st. 280, 282 UK RF [Distinguishing extremist manifestations from lawful behavior in the context of Art. 20.3, 20.3.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and Art. 280, 282 of the Criminal Code of the Russian Federation]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019, vol. 90, no. 3, pp. 44-56. (In Russ.).

10. Ivantsov, S. V., Idel'baeva, G. I. Voprosy kvalifikacii prestuplenii ekstremistskoi napravленности, sovershennyh s ispol'zovaniem seti «Internet» [Issues of qualification of extremist crimes committed using the Internet]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020, no. 8, pp. 123-129. (In Russ.).

11. Borovikova, V. V. Voprosy ugolovnogo prava i deyatel'nost' sredstv massovoi informacii [Issues of criminal law and the activities of the media]. Probely v rossijskom zakonodatel'stve. Juridicheskij zhurnal – Gaps in Russian Legislation. Legal Journal. 2013, no 4, pp. 126-129. (In Russ.).

12. Red'kina, E. A., Arkhipova, M. V. Definicija i zakonodatel'noe konstruirovaniye ob"ektivnyh priznakov prestuplenii ekstremistskoi napravленности v seti Internet [Definition and legislative construction of objective signs of extremist crimes on the Internet]. Vestnik RGGU. Seriya «Ekonomika. Upravlenie. Pravo» – RSUH Vestnik. Series "Economics. Management. Law". 2022, no. 3-2, pp. 240-252. (In Russ.).

13. Gorshkov, D. Yu. Publichnyi sposob soversheniya ekstremistskikh prestuplenii: sushchnost' i kriterii [The public method of committing extremist crimes: essence and criteria]. Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika – Law and Order: History, Theory, Practice. 2021, vol. 31, no. 4, pp. 149-154. (In Russ.).

14. Karabaev, V. V. Problemy razgranicheniya vozbuздeniya nenantisti libo vrazhdy, a ravno unizheniya chelovecheskogo dostoinstva, s inymi sostavami prestuplenii i administrativnyh pravonarushenii [Problems of distinguishing incitement of hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity, from other elements of crimes and administrative offenses]. E-Scio – E-Scio. 2023, vol. 80, no. 5, pp. 664-669. (In Russ.).

15. Voronin, V. N. Prestupleniya ekstremistskoi napravленности: puti povysheniya kachestva ugolovno-pravovoi ohrany [Extremist crimes: ways to improve the quality of criminal law protection]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo – Vestnik of Saint Petersburg University. Law. 2016, no. 4, pp. 16-28. (In Russ.).

16. Zemlyukov, S. V., Potapov, D. P. St. 282 UK RF (mesto v sisteme prestuplenii ekstremistskoi napravленности) [Art. 282 of the Criminal Code of the Russian Federation (place in the system of extremist crimes)]. Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestia of Altai State University. 2014, vol. 2, no. 2 (82), pp. 132-136. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Табанакова Валерия Ивановна, аспирант. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, Российская Федерация, Иркутск, улица Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tabanakova Valeria Ivanovna, postgraduate student. East Siberian Institute of the East Siberian Institute of the MIA of Russia. 110 Lermontov St., Irkutsk, Russian Federation, 664074.

Статья поступила в редакцию 17.07.2025; одобрена после рецензирования 20.10.2025; принята к публикации 21.11.2025.

The article was submitted 17.07.2025; approved after reviewing 20.10.2025; accepted for publication 21.11.2025.